

«ЗВЕЗДЫ» МИРОВОГО КИНО

«Я без колебаний поручу ему любую роль — от уличной шпаны до Рудольфо Валентино». Фрэнсис Форд Коппола.

«Этот человек, наверное, даже не подозревает, что он как актер — сенсация». Марлон Брандо.

Роберт Де Ниро — безусловный, один из одареннейших актеров Голливуда. Человек с тысячей лиц, хамелеон, молчун, как прозвали его репортеры. Он ухитрился за четыре года (от 1986 до 1990-го) дать всего четыре интервью. Он «закрыв» свою жизнь, как ФБР документы о Мэрилин Монро и клане Кеннеди. Все, что о нем узнавали, шло из вторых рук, от «друзей», которых он и не знал, завистников, порой врагов.

Де Ниро не любит людей, вынюхивающих что-то из его личной жизни. Все, что он хочет рассказать о себе, о своем видении мира, он выносит на экран. В начале карьеры он не снимался больше, чем в одном фильме в год. Теперь нагрузка удвоилась. После «Метрессы» (где Де Ниро и актер, и продюсер) появился его новый собственный фильм из жизни самого беспокойного района Нью-Йорка — Бронкса.

Настало время, когда великий молчун стал разговорчивее: ведь положение режиссера и продюсера обязывает. Или сыграло роль то, что в августе

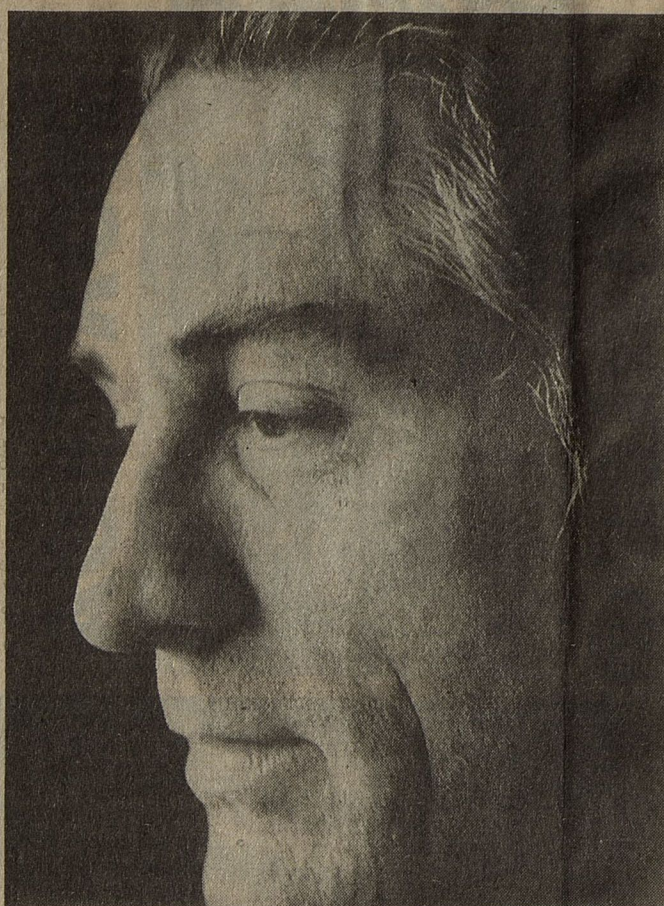
лет он оставил школу и поступил в актерскую студию Ли Страсберга, где исповедовали систему Станиславского. Из этой студии вышли Марлон Брандо, Мэрилин Монро и Джеймс Дин.

Теперь в квартире Роберта Де Ниро висят на стенах картины его отца. (Впрочем, работы этого автора можно увидеть и в музее «Метрополитен»).

Есть ли в фильме Де Ниро нечто автобиографическое? Ведь теперь и он сам — отец шестнадцатилетнего подростка, который растет в Нью-Йорке. Мать его — Диана Эббот, чернокожая актриса. Они расстались в 1979 году. Сына зовут Рафаэль. Какие взаимоотношения у них?

Де Ниро чешет подбородок: — Н-да. Недавно я встретился с ним. Когда он вошел, я хотел поприветствовать его, как раньше это делали хиппи. Он не нашел эту шутку удачной: «Не делай из себя посмешище, папа!». Он как раз в сложном возрасте...

— Бойтесь ли Де Ниро за своего своенравного сына!

Роберт Де Ниро: «ЧЕГО СТОИТ ЖИЗНЬ БЕЗ РИСКА?»

прошлого года он отметил свое пятидесятилетие?

...Роберт Де Ниро закидывает ногу за ногу, бросает задумчивый взгляд за окно на шумящую улицу Нью-Йорка, квартала, облюбованного киношниками.

— Как только вам исполнится 50, вы замечаете вдруг, что время стремительно утекает. И вы тоже начинаете спешить. Ведь есть еще недосказанное, несделанное.

Его фанатизм в работе, его бурная жизнь, ночи в барах с экзотическими красавицами оставили свои следы на его лице. В волосах серебрится седина. Глубокая морщина прорезала лоб. Лицо с родинкой на щеке выглядит бледным, — но это как раз не от возраста. «Бобби-молоко» звали его еще в детстве.

— Хотите ли вы теперь стать только режиссером?

— Ни в коем случае, — отвечает он тихо. — Но режиссером мечтал стать всегда. И когда увидел спектакль о Бронксе на сцене, то подумал: теперь или никогда! И перенес его на экран.

История, о которой рассказывается в его новом фильме, стара, как мир: отцы и дети. Роберт Де Ниро играет нью-йоркского водителя автобуса, который борется за то, чтобы его сын не попал в руки мафии.

— Мой отец тоже говорил мне всегда: «Держись как можно дальше от этих бандитов нью-йоркской «маленькой Италии».

Год назад, в мае 1993-го, умер отец Де Ниро. Роберт был мальчиком, когда его родители расстались. Он вырос с матерью. Отец не очень-то заботился о сыне, но все же он был! Художник-абстракционист, любивший писать портреты Роберта-ребенка, водивший его в театры.

А сын в девять лет заболел кино! Задумчивый мальчишка, таскавший всюду с собой альбом со снимками любимых актеров... Тихий, но снискавший среди соседской детворы славу, что ему лучше не переходить дорогу. В шестнадцать

— Рафаэль — ровесник героя «Бронкской истории». Он хороший парень. Но пойдя узнай, что у них делается в голове. Конечно, он должен быть осторожным, чтобы не натворить чего-то, о чем будешь жалеть всю жизнь.

Де Ниро занят сейчас в основном киноцентром, который открылся в чудесном старинном здании.

— У нас есть уже прекрасный ресторан. Куплен участок рядом. Я хочу открыть там несколько кинотеатров. Они должны работать круглые сутки. Классика, боевики. И одновременно — маленькие работы артистов, которые не выходят в прокат. Уверен, что все это найдет свою публику. Я хочу организовывать кинофестивали, семинары, курсы. Денег на этом, конечно, не сделать.

— Вы рассматриваете себя как собственного мецената?

— В Европе подобное финансируется государством хотя бы частично. У нас на это рассчитывать не приходится. Мы должны это делать сами, приватно. Я хочу создать центр кино: место встреч мастеров и зрителей.

— Ваша деятельность придает слову «культура-мафия» совсем новое значение. Как ни говори, но ваши лучшие фильмы всегда связаны с мафией, чьи корни — в Италии: Коппола, Скорсезе, Леоне, Де Пальма. Не скрывается ли тут желание создать «семью» в искусстве?

— Точно. Нечто, что способно вместе жить, развиваться, те отношения, которые сохраняются и через годы. Возьмите Копполу с его «семьей», — артистами «Крестного отца». Дружеские связи сохранились и через 20 лет. Мы и чувствуем себя «семьей». Разве это не чудесно — работать с друзьями, единомышленниками, а не со случайно подобранными исполнителями?

— Как актер вы — экстремист и любите эксцессы...

— Экстремист? Я?

— В «Кровавой маме» вы сыграли наркомана и заставили себя исхудать до 55 кг. Для ро-

ли боксера в «Диком быке» вы тренировались у вашего «прототипа», самого Джейка Ла Мотты. (И из трех боев с любителями выиграла два боя). А потом набрали 25 кг к вашему нормальному весу, выдержали скачущее давление, опухшие ноги и головную боль, чтобы воплотить на экране настоящего боксера. Рисковали своим здоровьем, но получили «Оскара». Перед съемками «Охотника» вы работали сталева-ром. Вы работали настоящим водителем для «Таксиста», научились играть на саксофоне для фильма «Нью-Йорк, Нью-Йорк». Перед съемками «Крестного» вы погрузились в сицилийский диалект (и опять получили «Оскара»), для фильма «Время пробуждения» изучали психические заболевания...

— О'кей. Если вы это называете «экстремом», то добавьте, что для «Бронкской истории» я сдал на права водителя автобуса. Впрочем, провалился дважды...

— Вас называют сторонником системы Станиславского. Но вы же не славянин! И не считаете ли вы этот метод уже устаревшим? И на родине Станиславского уже не все исповедуют его систему.

— Я верен своим учителям, а они верны Станиславскому. Конечно, я считаю, что так играть — не единственный метод, но один из лучших. Это мое мнение. А что касается того, что происходит сейчас на родине «маэстро», мне трудно судить. Я только однажды был у них на фестивале. И мне многое понравилось. Ну, а что касается самой теории: не играть, а перевоплощаться, — то многие понимают это превратно. Это совсем не значит, что для того, чтобы достоверно сыграть убийцу, надо сначала кого-то убить, как однажды выказался один из репортеров, интерпретируя мои слова. (Смех).

— Интересно, а с каким чувством относитесь вы к Кэди в «Вершине страха»? Сочувствуете ли вы ему или испытываете ненависть?

— Мой герой зол, да. Но отсюда не вытекает, что к нему нельзя испытывать ни крохи симпатии, сочувствия. Что меня увлекало в этой роли — та одержимость, то безграничное упорство, с какими он отстаивает свое мнение о справедливости. Кэди — монстр. Частично от природы, но больше — от обстоятельств. Его предал его же адвокат, из-за чего Кэди получил 14 лет тюрьмы. Адвокат «всего лишь» умолчал о некоторых фактах. И где уж его полуграмотному клиенту было разгадать нечестную игру. Когда он понял все, решил мстить.

За решеткой Кэди не теряет даром ни дня: изучает философию, юриспруденцию. Но, ослепленный жаждой мести, он все понимает наизусть. У него вывернутое понятие добра и зла. На его теле — татуировка с изречениями из «Ветхого завета». Кэди интерпретирует их по-своему, чувствуя себя орудием Божьим. Он хитер и умен по-своему, что и делает его таким опасным.

— Что ж, «Вершина страха» пользовалась успехом не только в Америке, но и в Европе. Зрителям ваш герой доставил немало бессонных ночей. А как вы сами? Смогли после этого переключиться?

— Конечно, роль оставляет следы в жизни актера. Но по вечерам, после съемок, я настолько вымотан, что стараюсь как можно меньше думать о своей работе.

— И последний вопрос. Вы такой прославленный актер, признанный везде и всюду, не боитесь ли, что, если станете режиссером и продюсером, ваша мечта не осуществится? Не слишком ли много вы ставите на карту теперь, в пятьдесят лет?

— А чего стоит жизнь без риска?

По страницам журналов «Синема», «Гала», «Темпо» подготовила
Майя МИХАЙЛОВА.
ФРАНКФУРТ-НА-МАЙНЕ.